

— Память – это не то, чего жаждет сердце, — прошептал Гимли, его слова эхом отдавались в тишине. — Это всего лишь зеркало, пусть и чистое, как хелед-зарам. Эльфы видят мир иначе. Говорят, для них память – это бодрствующий мир, а не сон. Но не для гномов. Несмотря на рану Гэндальфа, а может быть, и благодаря исцелению Гарри, компания успела пройти немалый путь, прежде чем свет начал меркнуть. Гарри большую часть дня провел в полете, якобы в поисках других существ, но также и для того, чтобы избежать назойливых вопросов, которые таились в глазах троицы. На окраине Фангорнского леса они развели костер. Перед ними простирались безмолвные поля, бледные в лунном свете. Гарри примостился на ветке ближайшего дерева – достаточно близко, чтобы слышать разговор, не будучи вовлеченным в него. Он не привык к такому тесному общению с людьми, вздрагивал от каждого потрескивания дров и от заразительного смеха Гимли, похожего на скрип коры. Так долго пребывая в одиночестве, Гарри привык к тому, что кроме собственных мыслей ему никто не нужен. Постоянное бормотание внизу, мягко говоря, смущало его. Однако долго игнорировать их он не мог – вскоре он услышал свое имя. — Затмение, признаюсь, я не слышал о тебе раньше. Неужели ты все это время жил в Фангорне? — спросил Гэндальф. Гарри задумался. Дедовский облик Гэндальфа располагал к доверию, но, к несчастью, Гарри не был из тех, кто легко доверяет. К тому же, у него не было ответов. Кто поверит, что он из другого мира? Что он человек, а не птица? — Я... преодолел огромное расстояние, чтобы попасть сюда. Большинство людей моего вида живут далеко отсюда, и мы обычно одиноки, — пробормотал Гарри. По крайней мере, это не было полной ложью. Гэндальф перевел его слова для остальных. — Одинокая жизнь, — сказал Леголас, его спокойное лицо выражало беспокойство. — Ты скучаешь по своему роду? Гарри был удивлен. Те немногие эльфы, которых он встречал раньше, казались отстраненными, их лица едва заметно дрожали. Тем не менее, Гарри не был уверен, что может доверять кому-то с платиновыми волосами Малфоя. — Вовсе нет, — легкомысленно ответил Гарри. Он не смог скрыть легкую дрожь в голосе, что не ускользнуло от зорких глаз эльфа. — С нами ты можешь не беспокоиться об одиночестве. Пойдем, поделишься своей историей у костра! — воскликнул Гимли, подвинувшись, чтобы освободить место для Гарри. Гарри был тронут, но тревога, возникшая в его сердце при мысли о прошлом, не давала ему покоя. — В другой раз, — сказал он, и Гэндальф послушно перевел. — Не все любят говорить так много, как ты, друг мой, — с легкой усмешкой сказал Леголас, обращаясь к Гимли. — И не так громко. Я, кажется, помню время, когда твоя речь заглушала шаги приближающихся эльфов... Разговор перешел в дружеские препирательства, а Гарри откинулся на спинку кресла и наблюдал за происходящим. Глядя на трех необычных компаньонов, смеющихся над рассказами друг друга, он невольно вспомнил о похожем трио. Он, Рон и Гермиона часто сидели в общей комнате и шутили. В голове возникла картинка с улыбающимися Роном и Гермионой. Гарри инстинктивно задвинул ее обратно, в хранилище, запертое глубоко в недрах его сознания. Его прошлое должно было остаться в прошлом. Он больше не хотел возвращаться к этим воспоминаниям. Гарри так и лежал, полуприслушиваясь, пока разговор окончательно не затих и он не погрузился в беспокойный сон. — Шшш... поторопись, Гермиона! Филч в двух коридорах справа! — лихорадочно шептал Гарри, глядя на Карту Мародеров. Троица пробиралась к Выручай-комнате. Поднявшись еще по трем движущимся лестницам и пройдя через тайный проход за спиной Монтенгуса Безумного, они наконец достигли цели. Проскользнув внутрь, Комната сразу же превратилась в точную копию их последнего визита, вплоть до скомканной книги, которую Рон бросил на пол. Предсказуемо, Гермиона сразу же перешла к книге "Стань своим внутренним животным". На столе, стоявшем в комнате, были разбросаны многочисленные записи. Обычно Гарри и Рон пытались помочь, но потом сдавались и принимались насыпать друг на друга сглаз. Но не сегодня. Сегодня Гермиона решила, что они готовы попробовать заклинание. Они выжидающе смотрели на нее. — Хорошо, — нервно сказала она. — Мы учились несколько месяцев. Мы знаем теорию. Настало время узнать, какова наша форма. Запомни, Рон, ты должен нанести резкий удар под углом в четверть. И Гарри, не забывай держать мысли пустыми – я уверен, что ты справишься и без

профессора Снейпа. Рон и Гарри кивнули. Они знали все это, они тренировались до тех пор, пока Гермиона не осталась довольна, а на это ушли недели. — Что ж, сейчас или никогда, — сказала Гермиона. Она быстро и нервно улыбнулась им. — Анимус Эвигило, — четко произнесла она, двигая палочкой в точном соответствии с заклинанием. Как только палочка коснулась воздуха, ее глаза закрылись, а дыхание замедлилось. Она так и осталась стоять на месте, застыв в воздухе в месте активации заклинания. Через несколько долгих минут ее дыхание сбилось, а глаза затрепетали под сомкнутыми ресницами. Рука дернулась, выронив палочку, и ноготь начал удлиняться и вытягиваться. Он медленно почернел и изогнулся, превратившись в остроконечный когтистый палец. Гарри и Рон закричали от радости, когда Гермиона открыла глаза. — Ты сделала это! Как ощущения? — спросили они, их голоса перекрыли друг друга от волнения. — Это не похоже на меня, — сказала она, критически глядя на свою руку. Она закрыла глаза, нахмурила брови, и когти снова превратились в обычный палец. — Но так и будет. Мне просто нужно больше практики. Я, очевидно, какая-то птица; разве это не похоже на когти совы? Вам двоим стоит попробовать, и тогда мы сможем изучить наши формы более подробно. Рону потребовалось три попытки, прежде чем он тоже погрузился в медитативный транс. Когда он вышел из него, на его лице появились усы. Гермиона подумала, что пройдет неделя или около того, прежде чем они смогут добиться появления других черт, но Рон, похоже, был полон решимости попытаться раскрыть еще одну часть своей формы до этого времени, так как он решительно направил свои усилия на то, чтобы усы исчезли и появились вновь. Наконец настала очередь Гарри. Он глубоко вздохнул, мысленно готовясь к этому. Во что он превратится? Втайне он надеялся стать оленем, как его отец. Но ему нужно было сохранять непредвзятое отношение к животному, иначе оно не придет к нему в транс. Он закрыл глаза, напевая "Анимус Эвигило". Гарри проснулся в кромешной тьме. Хотя он и не видел ничего, тошнотворная пустота тянулась во все стороны, словно бесконечная пропасть. Сколько времени он провел там, тщетно пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в этой бездонной ночи, было неизвестно. Внезапно, в этом мраке, мелькнуло движение. Гарри повернулся, напрягая зрение, чтобы разглядеть, что же это такое. К нему приближалось нечто, черное как сама ночь. Оно приближалось, и Гарри почувствовал, как что-то мягкое скользнуло по его лбу. И тут... как будто его охватило пламя. Он хотел закричать, но огонь сковал его горло, превратив голос в хрип. Он корчился от боли, чувствуя, как жар распространяется по всему телу. Последняя мысль, которая промелькнула в его сознании перед тем, как огонь поглотил его, была о том, увидит ли он когда-нибудь снова своих родителей и Сириуса? Гарри резко вскочил, сердце бешено колотилось. Он оглядывался по сторонам, надеясь увидеть хоть тень своих погибших друзей, но все, что он видел, — это игра света и тени, когда первые лучи рассвета пробивались сквозь листву. Тихое пение птиц разносилось в воздухе, и Гарри, словно очнувшись от сна, понял, что он уже не в том Лесу. Тонкая струйка дыма, пронесшаяся мимо него, указала на тлеющий костер внизу. Рядом с ним, в полумраке, лежали три неподвижные фигуры. Гарри устроился на ветке, размышляя о сне, который его разбудил. Но это был не сон, он понял. Это было воспоминание. Воспоминание о первых попытках Рона и Гермионы превратиться в анимагов. В тот день Гарри не смог превратиться, как и во все последующие, когда он пытался вместе с друзьями. После нескольких мучительных попыток, он практически отказался от идеи стать анимагом. Но он давно не вспоминал об этом, с тех пор как ему все же удалось превратиться. Почему же сейчас это воспоминание вернулось? Гарри проверил внутренние защитные экраны своего разума. Хранилище воспоминаний оказалось слишком доступным, слишком легким. Оно должно было быть замуровано. Он сделал резкий мысленный толчок, отправляя его обратно в глубины подсознания. Возможно... Размышляя о событиях прошедшей ночи, Гарри смутно вспомнил, как Гэндальф, Леголас и Гимли напомнили ему о его собственных друзьях и приключениях. Возможно, именно это и вызвало утечку памяти. Если это так, то Гарри должен был быть более бдительным, чем когда-либо. Окллюменция не предназначена для сокрытия воспоминаний от собственного разума, она защищает от вторжения извне. Он знал об опасности, когда запечатывал свои воспоминания. Как

подчеркивалось в книгах по Окклюменции, разум - очень хрупкая вещь, любое вмешательство может нанести ему непоправимый вред. Большинство волшебников, пытавшихся заблокировать свои эмоции, сдавались под напором воспоминаний, накапливающихся со временем, лишь немногие выживали, сохраняя рассудок. Гарри покачал головой. Ему нужно было больше практиковаться в Окклюменции. Медленно закрыв глаза, он наблюдал за спящей внизу компанией.

<http://tl.rulate.ru/book/102871/3569404>